

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 2 июля 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 2 de julio de 1994 № 2290

Андрей Смирнов (Москва)

ПРИБАЛТИКА: КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

В 1884 году русский офицер Н. Д. Бутовский отмечал, что новобранцы-эстонцы „считают за особенную честь человеческое с ними обращение“ и что „малейшая строгость с этими людьми“ „приводит их в состояние идиотизма“. В латышах же „скромность, низкопоклонство и боязнь“ были тогда развиты настолько, что даже эстонцы звали их „трусами“. Зато, получив унтер-офицерские лычки, латыши и „вялые“, „слабые по физическому развитию“ литовцы немедленно начинали люто измываться над солдатами. Этот вырастающий из сознания собственной ущербности комплекс неполноценности, комплекс многовекового раба немцев и поляков, похоже, сидит в прибалтах до сих пор. Сегодня он толкает их на третирование русского населения и превознесение до небес собственной „высококультурности“. Последняя же особенно ярко проявилась в 1920-1940 годах, когда, обретя независимость, литовцы, латыши и эстонцы создали у себя чуть ли не рай земной. Но так ли это?

Проще всего дело обстоит с раем литовским. Обследовав в 1939 году 150 крестьянских дворов, бывший президент Литвы Гриниус, обнаружил, что в 95 из них имеются вши; что кожаные ботинки носят лишь два процента крестьян, а 76 процентов ходят в деревянных башмаках; что 19 процентов женщин не пользуются мылом... Еще не было войны, а литовский крестьянин, по свидетельствам современников, уже делил спичку на четыре части. Каждый двадцатый в Литве болел туберкулезом; каждый пятый новорожденный умирал, не достигнув года. „Оставшиеся же в живых, — писал 25 января 1940 года в газете „Лиетувос Жиниос“ тот же Гриниус, — являются физически или психически ненормальными“.

Строительство латвийского рая ознаменовалось, в частности, ростом смертности новорожденных с 7,6 процентов в 1933 году до 8,5 процентов в 1939-м; эстонского — выходом страны на одно из первых мест в Европе по количеству самоубийств. Реальная зарплата латвийских рабочих — по подсчетам латвийских же экономистов — даже в наиболее благополучном 1929 году составляла лишь 80 процентов от уровня 1913 года, а в 1934-м — всего 50 процентов. Экономисты довоенной Эстонии также признавали, что жизненный уровень их народа все 20 „независимых“ лет был ниже, чем в 1914-м. „Культурная“ Эстония уже к 1927 году

дохозяйствовалась до полного краха финансовой системы и передачи ее под контроль банковских кругов Запада. Наверное, в этом и проявился тот „творческий и разумный индивидуализм“ эстонцев, о котором с благоговением пишут авторы недавно вышедших в Таллине „Очерков истории эстонского народа“.

Мощная при императоре Николае Втором промышленность Прибалтийского края захирела: русский рынок был потерян, а западный так и не приобретен — дорогие (из-за высокой себестоимости) и не качественные латвийские и эстонские товары сбыта там найти не могли. Кроме того, край покинуло много русских рабочих. Закрылся знаменитый Русско Балтийский завод, а на не менее знаменитой Крэнгольмской мануфактуре в 1940 году работало всего около 2 тысяч человек, тогда как в 1914-м — свыше 10 тысяч (из них более 3 тысяч русских)...

Впрочем, в Латвии и Эстонии принято гордиться не промышленностью, а сельским хозяйством 20-х-30-х годов, пресловутым экспортом масла и бекона. Но во-первых, и то, и другое в Европе покупали только потому, что прибалты выбрасывали его на рынок по демпинговым ценам. Чтобы возместить своим крестьянам-экспортерам убытки, латвийское, например, правительство приплачивало им 125 процентов к мировой цене на масло и 100 процентов — к цене на свинину. Лишь бы экспортировали, лишь бы прослыть

„культурной сельскохозяйственной страной“, „второй Данией“! В 1935 году на эти дотации ушла почти четверть латвийского госбюджета, а в 1936-м планировали израсходовать треть! Дорого обходился комплекс неполноценности...

А во-вторых, кто работал в сельском хозяйстве Латвии и Эстонии? Значительная часть сельхозрабочих ввозилась из Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы и восточной части Латвии — Латгалии, 30 процентов населения которой составляли русские а 55% — латгальцы (последних числили и числят латышами, но в 30-е годы латвийские офицеры жаловались на „незнание призывниками-латгальцами латышского языка). Так, в 1935 году в Латвии как минимум 20% батраков (около 28 тысяч человек) были русскими, украинцами и белорусами. Много ли это? Отъезд на родину „всего“ 11 тысяч украинских и белорусских сельхозрабочих создал серьезные трудности при проведении сева 1940 года... При этом рабочий день батраков-славян доходил до 16-18 часов, а питание заключалось в снятом молоке, соленой салаке, да мучной каше. Платили же им на 20-35 процентов выше, чем латышам. Схожая картина была и в Эстонии.

Собственно и послевоенные успехи сельского хозяйства Прибалтики зиждились на эксплуатации русского мужика. Только теперь прибалты осуществляли ее не непосредственно, а руками „партии и правительства“. Достаточно привести один факт: в

1951 году эстонский колхозник получал на трудодень 3,83 кг. зерна и 1 рубль 50 копеек, а смоленский — 0,89 кг. (остальное забиралось в качестве обязательных госпоставок) и 17 копеек.

А тогда, в 20-е-30-е годы маленькие народцы спешили насладиться непосредственной властью над частью великой нации (в Латвии в 1935 году русские составляли 12 процентов населения, в Эстонии в 1939-м — 8,2 процента). В Эстонии русским рабочим предоставляли лишь „самую грязную и дешево оплачиваемую работу“, а для русских женщин были открыты двери лишь тех эстонских „учреждений“, „куда нужны красивые женщины“. В Латгалии латыши, страшась сплоченности русских крестьян и желая закабалить их экономически, планомерно ликвидировали русские деревни, сселяя их жителей на хутора. Теряя при этом общинные пастбища и разоряясь на обустройство хуторов, русское крестьянство беднело и вынуждено было батрачить на латышей. Этому способствовало и то обстоятельство, что в начале 30-х годов русские и латгальцы платили земельный налог в размере 40,5 — 52 лата с гектара, тогда как латыши в коренной Латвии — всего 0,2-1,25 лата. Часть русских была насильственно переселена на пески и болота Курземе (Западная Латвия), а их земли в Латгалии отданы латышам.

Именно в комплексе неполноценности, а не в обиде за пресловутый 1940 год сидят корни всплеска русофобии прибалтов в годы войны. Просто тогда закомплексованные народцы ощутили за своей спиной надежнейшую в мире силу — германскую армию. К чему это привело, видно, например, из донесения начальника политотдела 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта от 8 августа 1944 года. „Местное русское население — писал генерал-майор Воронин, имея в виду Печерский уезд Эстонии, — с ненавистью отзывался об эстонцах, жалуется на политические и национальные притеснения, которым подвергались со стороны немцев и главным образом эстонцев. Русские жители отзывались об эстонских солдатах хуже, чем о немецких солдатах...“.

Сейчас прибалты зовут на помощь войска НАТО... Их комплекс неполноценности жив и будет вредить нам до тех пор, пока мы вновь не заставим пигмеев считать „человеческое с ними обращение“ „за особенную честь“.

Андрей Смирнов

БОЛЬ О РОССИИ

Забайкальскому казаку А. Вишнякову

Господа, я болею Россией
И не знаю, что будет со мной.
Мы о многом и всяком
просили,
Но когда мы просили покой?

Господа, это смутное время
Мчится степью, по травмам
звоня,
И не вдет на скаку ногу в
стремя —
Значит пасть под копыта
коня.

Где, Россия, твои офицеры?
Кто управится с буйным
конем?
Шашки ржавы, пусты
револьверы
Под серпастым гнилым
кумачом.

Вечно мало свинца нам и
хлеба,
Ветер Азии горек и зол,
Но в прозрачное русское
небо
Вновь взлетает двуглавый
орел.

По славянски взгляд
Вышнего синий.
Жжет затвор рукоятью
стальной.
Господа, я болею Россией
И не знаю, что будет со
мной.

СЕРГЕЙ ТОЛСТЫХ

Новониколаевск

Николай Котенко (Москва)

ИВАН СОЛОНЕВИЧ ИЩЕТ РОССИЮ

Велико незнание России
посреди России.

Н. В. Гоголь

Мы знаем — понаслышке! — его биографию, перипетий которой с избытком хватило бы на пару авантюрных романов, да дело-то в том, что „герой“ их — отнюдь не Калиостро и даже не лорд Байрон: не искал он приключений на свою голову — сама жизнь, казалась, следила за ним, не допуская до скуки и унылости. Белое движение, советские концлагеря (первая книга И. Солоневича — „Россия в концлагере“), побег вместе с младшим братом и юным сыном со столь воспетого Горьким и К^е Беломорканала... А дальше — эмиграция с возней десятков и сотен партий, партиек и групп, ни с одной из которых Иван Лукьянович практически не может сойтись до конца в силу своего особого, выстраданного и выношенного в душе взгляда на Россию, ее историю и пути развития, — взгляда здорового, мыслящего русского крестьянина.

Сразу после дерзкого побега И. Солоневич издавал в Болгарии газету „Голос России“, но ее закрыли болгарские власти. Тогда издатель учреждает „Нашу Газету“, пытаясь в меру сил противодействовать самоубийственной для немцев русофобской пропаганде. Однако закрывается и это издание, а Солоневич, переехавший в Германию, до конца войны под надзором гестапо живет в немецкой провинции. Затем — Аргентина, еще одна русская монархическая газета, „Наша Страна“, издающаяся в Буэнос-Айресе и поныне, верно несущая девиз ее основателя: „Общая линия „Нашей Страны“ есть по своему существу столыпинская линия...“. Здесь же, в Уругвае, отделенный от родины океаном и глухой стеной забвения, скончался Иван Лукьянович в 1953-м, в год смерти очередного, столь ненавидимого им тирана России.

А было еще покушение, которое, унеся жизнь жены Солоневича Тамары Владимировны и секретаря редакции Николая Петровича Михайлова, как бы „сдублировало“ неким мистическим образом одно из покушений на политического „кумира“ писателя, П. А. Столыпина. Были непонимание и открытая вражда со стороны „ваших“ и „наших“... Было, наконец, и по сей день не преодоленное, упорное замалчивание трудов замечательного историка, философа и писателя.

Но вот издательская и рекламно-информационная фирма „Феникс“ рискнула — и выпустила „Народную монархию“. Читатель получил центральное произведение И. Солоневича.

Непростое и весьма „деликатное“ это занятие — „анализировать“ подобные книги: откровение, поражающее наше закостенелое в отечественной „науке“ воображение; выводы, граничащие с парадоксом, но в пристальном рассмотрении оказывающиеся глубоко продуманными, выстраданными, проверен-

ными знанием. Удивителен этот объем — необъятность! — знаний, сведений (имен, цифр, дат), которые, оказывается, способен охватить, запомнить, пронести через столь бурную жизнь один человек! Иван Лукьянович иногда делает оговорку, что у него нет под рукой нужного документа, — и тогда, не веря очевидности, вспоминаешь, что книга пишется не в тишине и уюте обжитого кабинета, не в фундаментальной какой-нибудь „Ленинке“, но — в чуждых пределах, в иноязычной и по преимуществу недружественной среде и что называется — „на колесах“. Совершенное, сказать бы — любовное знание истории своей родины; свободная ориентация в лабиринтах мировой философской мысли — от древних до Н. Бердяева и С. Булгакова; пристрастное, душу рвущее, свое, ни с какими „пособиями“ не увязываемое прочтение русских классиков... И — может быть, главное! — этот историко-философский труд написан писателем, в любом его самом рациональном посыле пульсирует живая человеческая эмоция, и любовь, самое что ни на есть „ученое“ рассуждение изложено тем „великим и могучим“, с которым не справились ни время, ни постоянное чужезычное окружение. Скажу не для рекламы, в коей И. Солоневич давно уже не нуждается: меня от „Народной монархии“ не могли оторвать ни фонтанирующие новостями газеты, ни даже необходимость перечитать кое-что из классики...

Да простится здесь шаблон: центральной темой центрального, главного труда Ивана Лукьяновича Солоневича есть тема самобытности и единственности пройденного Россией тысячелетнего пути и утверждение права и обязанности на продление его в грядущее. И. Солоневич утверждает, что мы писали свою историю, стоя на „кочке“ зрения дидеротов и гегелей. На самих себя мы смотрели — и продолжаем смотреть — примерно таким вот взглядом: „...Не могли же в самом деле какие-то дреговичи сами выдумать что-то путное? Самобытность римского и английского государственного строительства не оспаривает, насколько я знаю, ни один из существующих источников. Самобытность русского, насколько я знаю, не признает ни один из существующих источников. Раз было что-то путное, то очевидно, что дреговичи откуда-то его сперли“. Откуда и как „сперли“, тоже объяснено неоспоримо: „Та методика общественных наук, которая родилась на Западе, была и там „богословской схоластикой и больше ничем“. Она выработала ряд понятий и терминов, в сущности мало отвечающих и европейской действительности. Наши историки и прочие кое-как, с грехом пополам, перевели все это на русский язык — и получились совершеннейшие сапоги всмятку. Русскую кое-как читающую

публику столетия подряд натаскивали на ненависть к явлениям, которых у нас вовсе не было, и к борьбе за идеалы, с которыми нам вовсе нечего было делать“.

Веховые пункты, вокруг которых выстраиваются рассуждения и заключения „Народной монархии“, это, во-первых, бесплодность, а то и гибельность прямых заимствований и подражаний — что в науке, что в государственной практике. Второе же: рубежность, переломность для России — в худшую сторону! — петровских реформ и возведения автором почти в идеал государственности Руси депетровской: да, И. Солоневич — несомненный патриот Московской Руси, в которой он единственно и видел образец того правового, социального, политического устройства, которое поименовал Народной Монархией.

Любой глубокий ученый, разрабатывая свою концепцию истории, непременно предвидит пути ее дальнейшего развития. И затем — самые оригинальные научные или художественные построения не могут произрасти из пустоты, — так и Солоневич, самобытнейший и сувереннейший ученый, конечно же, имеет соратников и единомышленников, хотя бы „частичных“, разделяющих порою только отдельные тезисы создаваемой им системы.

И когда И. Солоневич доказывает преимущество монархии перед республиканской и единовластной, наследственной управления — перед выборным, то невольно же приходит на память капитальная работа Ивана Ильина „О монархии и республике“, и мы видим, как близки во взглядах на столь кардинальные и злободневные проблемы оба ученых. „Монархия, — заключает И. Солоневич, — есть единоличная власть, подчиненная традициям страны, власть одного лица, но без отсечьятины“. Что же касается парламентов и „народных избранников“, то ученом, исследовавшему вопрос и на национальной, и на западной почве, доподлинно знакомо и голосующее по приказу лидеров партийное стадо, и предвыборные речи кандидатов, производимые единственно для галерки и на исход голосования несколько не влияющие: „он решается закулискими партийными комбинациями и приказами соответствующих партийных вождей“. „Моя жизнь — здесь, за письменным столом, а не на скамьях парламента, где моего партийного лидера будут дергать за веревочку тресты, синдикаты и банки, партийный лидер будет дергать за веревочку меня, и я, как Петрушка, буду вскакивать и изображать руками и ногами какую-то волю народа“. Притом, всем сказанным И. Солоневич ничуть не отрицает, ибо народная монархия без него немыслима даже чисто технически. Но эта форма народоуправления должна выражаться в

„соборе“, быть **работающей** организацией, а не балаганом, в котором, скажем, демократы водят по улицам слонов, а республиканцы — ослы. Подобный собор, составленный из людей и „государевой“ и „земской“ службы, будет точно знать, что нужно сибирским лесодобытчикам и в чем их нужды должны согласоваться с требованиями, допустим, военного ведомства. История Руси знает прецеденты такого управления: „При первых Романовых мы наблюдали последний в нашей истории пример национального единства и, я бы сказал, национального приличия“.

Мы с вами видели уже, совсем недавно, „демократические выборы“ у себя дома; у нас на слуху громогласные обещания кандидата, избранного нами первым президентом России, — пораскинем мозгами: вполне ли хоть что-то из его щедрых посулов? Мы подозревали тогда, а сегодня и наши избранники не больно скрывают, какие нечистые силы и сомнительного происхождения средства были задействованы, чтобы уверить нас в достоинствах предложенных кандидатур. „Демократия и республика подменяют предметную государственную ответственность — капризную популярность, беспредметным и некомпетентным голосованием толпы. Здесь люди опасаются не политических ошибок и не политической неправоты, а забаллотирования. Политический „успех“ зависит не от того, что человек есть на самом деле, а от того, чем он прослышет... Республика предпочитает избирать несамостоятельных, угодливых, уклончивых нырял, людей „блудных“, невыдающихся, не угрожающих никому своим превосходством и талантом, людей середины...“. Это уже — мнение Ивана Ильина, и — сможем ли мы, вчерашние избиратели, оспорить его? Вспомним, каких „нырял“ провели мы в верховную власть страны: один „Тема“ Тарасов чего стоит! А Коротич, Евтушенко? Где они, кстати, нынче, все трое, — на награбленное у нас с вами жируют в чужих демократиях?

А на что способны подобные „избранники“ в жажде сохранить, продлить власть! Вспомните разбомбленный Бушем Ирак: утопленное Снегуром в крови Приднестровье; звериный геноцид, осуществленный другом всех демократий в Абхазии... Да что далеко ходить: чтобы только усесться в президентские кресла, трое государственных преступников ликвидировали в один присест тысячами созданное государство. Посмотрите на то, что творится в поруганной и разрушенной нашей стране, — и попытайтесь после этого возражать И. Ильину: „... республика есть промежуточная форма или „станция“ на пути от монархии к анархии...“

Николай Котенко
Журнал „Москва“

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Аллен. „Достоевский и Бог“ (СПб, 1993).

Публикация этой переведенной с французского языка книги свидетельствует о все растущем в бывшем СССР интересе к творчеству Достоевского.

Однако нельзя сказать, чтобы работа Луи Аллена нас полностью удовлетворяла.

Его исследование религиозных, а отчасти и иных взглядов Федора Михайловича носит порою схоластический характер; автор пытается разделить его высказывания по волоску и даже расчленивать четверть волоски.

Между тем, Достоевский был великий писатель, а не создатель новой философской системы. Требовать от него, притом выделяя и отделяя от его творчества в целом, четких формулировок в области богословия и моральных доктрин вряд ли и справедливо.

Тем более уж, — ловить его на противоречиях и недоговоренностях, часто притом и мнимых.

Особенно неприятное впечатление оставляет последняя глава, где г-н Луи Аллен прямо заявляет, что важными чертами личности Достоевского были „себялюбие, раздражительность и гордыня“.

Трудно с этим согласиться, и даже не вполне понятно, на чем именно такие выводы основыва-

ются.

Не совсем хорошее впечатление оставляют и как бы насмешливые интонации, с которыми исследователь цитирует слова Белинского, зафиксированные самим Достоевским:

„Мне даже умилительно смотреть на него — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня — каждый-то раз когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется точно заплакать хочет“.

Эти чувства мы как раз вполне можем разделить; они и подобают всякому христианину. А что гениальный автор „Бесов“ и „Братьев Карамазовых“ был христианином в высшей степени и высшем смысле этого слова, — сие у нас никак не вызывает сомнения.

Э. Хэрш. „Царская Империя. Расцвет и уничтожение. Фотографии и документы 1896-1920“. (СПб, 1992).

Наряду с врагами, у России находились испокон среди иностранцев и друзья, — порою преданные и очень ценные.

Можно перечислить много имен полководцев, ученых, рядовых строителей империи, военных и штатских, оставивших свой след в нашей истории.

Не одному из нас и случалось встречать немцев, французов, скандинавов, живших когда-то в царской (и, как ни странно, иногда даже в советской России) и со-

хранивших о ней ностальгические воспоминания, вернувшись к себе на родину, где им все казалось потом мелким и серым, не того масштаба.

Не менее уникальное, и не менее радостное явление представляют собою люди, влюбившиеся в наше отечество через русскую литературу, через увлечение русским искусством и русской историей.

К этим последним надо, очевидно, отнести и австрийскую журналистку Элизабет Хэрш, составительницу разбираемой книги, — роскошного альбома, большого формата, в больше чем двести с половиной страниц.

Но воспроизведем лучше предисловие от издательства:

„В прошлом году в Австрии вышел в свет альбом Элизабет Хэрш... посвященный последнему периоду Российской Империи. Знакомство с материалами, хранящимися в музеях и архивах Германии, Франции, США, в личных архивах русских эмигрантов, позволило австрийской журналистке создать, как пишет она сама, „взрывную“ книгу. Тем более, что в альбоме впервые опубликован ряд новых документов. Комментируя их, Элизабет Хэрш дает событиям начала века собственную оценку, которая, — мы вполне допускаем это, — может быть воспринята читателями неоднозначно. Но несомненно книга Э. Хэрш дает читателям богатую пищу для размышлений и выводов. И также несомненно, только

поняв свое прошлое, мы можем разобраться в дне сегодняшнем и предвидеть развитие событий в будущем“.

Воспроизведем также примечание в конце работы: „В книге представлен богатый иллюстративный и документальный материал о последнем периоде Российской Империи“.

Сам автор предпосылает своему труду предисловие, где говорит, между прочим, следующее:

„И пусть это насмешка истории или ее произвольная игра с истиной, в любом случае парадоксально то, что система, созданная в результате отлично организованного путча, а не народного восстания, ныне уничтожена после неудачной попытки переворота, плохо организованного, даже авантюрного, и вызванного им народного движения.“

Горбачев пытался спасти, сохранить и заставить функционировать старую систему, но избранный им путь лишь ускорила ее гибель. Освободитель, по мнению Запада, Горбачев стал проигравшим героем в собственной стране“.

Альбом распадается на три части (плюс приложения): 1. Феодальный расцвет; 2. Неукротимое движение и 3. Купленная революция.

Заметим, что, вопреки опасениям издательства, мы-то со всеми, — или почти со всеми, — оценками составительницы вполне согласны.

Владимир Рудинский

Среди книг

ИСКАЗИТЕЛИ ИСТИНЫ

Книга Ю. Давыдова „Три адмирала“, выпущенная в Москве в 1991 году, написана превосходно в литературном отношении и читается потому легко и с удовольствием. Казалось бы она должна быть симпатичной и по предмету: истории трех русских великих мореплавателей, Сенявина, Головина и Нахимова, к которым автор относится с почтением и восторгом.

К несчастью, в бочку меда составитель влил не ложку, а целое ведро дегтя, выразившееся в проявлениях советской, большевистской идеологии в ее худших аспектах.

Обо всех русских царях и царицах Ю. Давыдов говорит только плохое и часто — явно несправедливо. Когда уж речь о поступках безусловно разумных и правильных, — он усердно ищет в их поведении какие-нибудь некрасивые расщелины и низменные побуждения.

Прочем, и иностранным монархам от него достается не меньше. Упомянув о португальском регенте Жоане, он его семью именует „королевским охвостьем“, а его мать „спятившей матушкой“. Это бы еще можно понять, если бы правитель Португалии был в чем-то повинен перед русскими. Так нет же: наоборот, он помог эскадре Сенявина, попавшей в трудное положение во время войны и загнанной бурями в Лиссабон, распорядившись снабдить ее продовольствием. Не будем для краткости приводить примеров: тем же отвратительным тоном советский писатель отзывается обо всех королях и императорах, будь

то европейских или азиатских.

И если до некоторой степени делает исключение для гавайского короля Камехахеа (которого уродливо именует Тамеахеа, делая его имя несклоняемым), то потому, что о нем с восхищением писал Головин.

Враждебно расценивается также отечественная и иностранная, по всему земному шару, аристократия, и дворянство, во всех его видах.

Натурально, Давыдов пытается и своим героям придать черты людей из народа, да еще и с революционными взглядами. Но тут он наталкивается на решительное их сопротивление, — и потому терпит фиаско.

Как только он своим персонажам дает слово, — чего, как историку, ему невозможно все же целиком избежать, — они говорят противоположное его замыслу. Так, Сенявин: „Я уверен в доброте государя, и самодержавное правление есть для нас самое лучшее“. Мало того, он был участником суда над декабристами и высказался за строгое для них наказание.

Никак не удается Давыдову приплести к декабризму и Головина. Никто его по поводу заговора не обвинял и не беспокоил. А показания Завалишина об его будто бы сочувствии, — и вообще явно ненадежные, да и отражают мечты и пожелания, а отнюдь не реальность.

Самое его сочувствие деятельности „умного и удачливого монарха“ Камехахеа говорит уже за себя.

Не получается и с Нахимовым. О нем его современник рассказывает: „Адмирал никогда не забывал, что он дворянин и гордился этим, но в основании этой гордости у него лежали высокие понятия о чести и достоинстве офице-

ра-дворянина“. А в одном из многих сохранившихся его писем, в письме к поэту князю Вяземскому, мы читаем выражение признательности „за приветствие, которым вы почтили русских воинов, удостоившихся быть исполнителями велений нашего царя-отца“. Казалось бы, чего яснее?

Да и вообще, и сами три великих адмирала, и все их окружение, их соратники и их ученики, были дворянами. А как только до нас, хотя бы через того же Давыдова, доходит их подлинный голос, — они высказывают свои монархические чувства, разрушая тем его фальшивые концепции.

Отметим еще непрестанные обвинения сочинителя по адресу царей и министров, что мало мол тратили денег на флот, на укрепления и т. д. Он не входит в то, сколько других, не менее необходимых расходов было у правительства. Великая держава требовала великих и забот. Так, как делает Давыдов, критиковать легко... Но пристрастность выпирает из каждой его строки.

Правда, книга его написана уже давно. Может быть теперь он думает не совсем то же самое? Хотелось бы за него, в это верить.

Савва Юрченко

Зарубежная жизнь

ОЧАГ ВОСПИТАНИЯ НАШЕЙ СМЕНЫ

Церковно-приходская школа при храме Покрова Пресвятой Богородицы в Найке (штат Нью Йорк) уже сорок с лишним лет непрерывно обучает детей русских политических эмигрантов русскому языку, Закону Божию, Русской Истории и русской литературе. За все эти годы, только совершенно безвозмездное отношение к своему святому делу всех без исключения преподавателей позволяло школе существовать. Благодаря такой жертвенности школа смогла построить — за наличный расчет — прекрасное здание с классами и залом на самом высоком профессиональном уровне, и составлять и печатать огромное количество необходимых учебников. Этими учебниками пользуются многие ученики, не только за рубежом, но уже и в России.

Среди выпускников найкской школы: священники, дьяконы, чтецы, регенты и певцы хоров, личный переводчик президентов Рэйгана, Буша и Клинтона, американские дипломаты, служащие Государственного Департамента США, международные банкиры, профессора и многие другие полезные члены Русской Зарубежной Церкви.

В текущем учебном году в школе занималось 98 учеников, из которых — 21 в „яслях“. Многие обучаются бесплатно.

Директором школы является настоятель Св-Покровского храма протоиерей Георгий Ларин. Ее адрес: 38 South Mill Street, Nyack, NY 10960 USA.

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ НАЙТИ РАБОТУ В РОССИИ

Конгресс Русских Американцев сообщил, что его главное правление и Вашингтонское представительство часто получает весьма интересные запросы от правительственных ведомств США и частных фирм о лицах с разнообразным американским опытом и знанием русского языка.

КРА предлагает тем русским людям в США, которых интересует информация о появляющихся возможностях в России, прислать свой curriculum („резюме“) на следующий адрес: P. O. Box 818, Nyack, NY 10960-0818, или на факс (914)- 353-5453.

Если появятся соответствующие запросы, КРА об этом сообщит, не высылая „резюме“ без разрешения.

Письма из России

ДВОРЯНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

Пишет вам председатель Всеукраинского Монархического Центра. В „Нашей Стране“ номер 2216 была опубликована просьба к русским эмигрантам присылать монархическую литературу новосозданным дворянским библиотекам. Теперь я хотел бы повторить эту просьбу и сообщить адреса новых дворянских публичных библиотек. Вот они:

1. Россия 645007, Кемеровская область, Новокузнецк-7, а/я 951. Ларченкову-Казановичу, Юрию Викторовичу. Телефон: 44-17-51.

2. СНГ, Украина 252160 Киев, Харьковское шоссе 14/1, кв. 85. Наседкину, Игорю Юрьевичу. Телефон: 552-63-82.

3. СНГ, Украина 310001, Харьков-1, а/я 2322. Овчарову, Георгию Федоровичу. Телефон: 52-95-09 (Г. Ф. Овчаров является не только хранителем дворянской библиотеки при харьковском Дворянском Собрании, но и координатором скаутского движения Левобережной Украины, воспитывающего дворянских отпрысков).

4. СНГ, Украина 348019 Луганск, ул. Кожухаря 4. Лебеденко-Павловскому, Петру Николаевичу. Телефон: 54-71-06.

Д. Н. Колесниченко (Киев)

СВЯТЫХ ВЫНОСИТЬ

За что не любит Татьяна Глушкова Игоря Шафаревича? За то что он вел „упорную противогосударственную работу, направленную на подрыв авторитета СССР, расцениваемого как империя зла“. Сотрудница национал-большевизмского „Дня“ даже договаривается в газете „Русский Собор“ до того, что „поэтому“ Шафаревич — не русский! Спрашивается: разве рождение СССР не результат „упорной противогосударственной работы, направленной на подрыв авторитета“ Царской России?

Разве не в результате бешеной ненависти к России и сотрудничества Ленина с ее врагами родился СССР?

Поистине, советский строй породил совков...

Приведем цитату из опуса другого национал-большевика, Николая Лисового (тоже из „Русского Собора“ генерала КГБ Стерлигова):

„Союз — это Сталин. Победа — это Сталин. Последние остатки работающей еще системы — это Сталин. Почти, как когда-то Достоевский сказал, что не православный не может быть русским, а Антоний Храповицкий добавил потом, что немонархист не может быть православным, так я сегодня скажу: несталинист не может быть патриотом. Русский националист должен быть православным, должен быть монархистом (по идее, по крайней мере), должен быть сталинистом“.

Всё! Можно святых выносить.

Е. Бреннер (С. Петербург)

От редакции: покойный митрополит Антоний (Храповицкий) никогда не

выражал абсурдной мысли, которую ему беспардонно приписывает Н. Лисовой.

ПЕРЕЕХАТЬ В АРГЕНТИНУ

Мы, группа сторонников Русской Зарубежной Церкви в Киеве, просим читателей „Нашей Страны“ — помогите нам, Христа ради, переехать в Аргентину.

Мы готовы на многие трудности: среди нас есть молодые неженатые люди (около 30 лет), которые могут и хотят жить и работать на земле, на заводе, вообще где-нибудь, чтобы служить Богу, ближним и спасти свои грешные души.

Совсем недавно московский мэр Лужков прямо сказал, что РПЦЗ в России не будет. „Незалежна Украина“ нас не жалуется, уничтожает все русское! Нам стало ясно, что спасение здесь невозможно. Нам. Новомученики спаслись. Но мы — великие грешники — на это дерзать не можем. Наше главное желание спасти свои души. Поверьте и помогите нам.

Мой адрес: Украина, 252139, Киев, ул. Ивана Микитенко, д. 3 А, кв. 75, Лепихову, Дмитрию Артемовичу. Можно позвонить мне по телефону: (044) 510-87-09.

Аргентина нас привлекает по многим причинам. Главная — чудеса, явленные в Южной Америке Мироточивой Иверской иконой Божьей Матери. У вас в Аргентине есть храмы Истинной Церкви, в которых можно молиться и законно спастись. У вас есть русские, которые хоть и оторваны от отечества, но не заражены советчиной и демократией, как мы сейчас. Именно в Аргентине так много пользы принес России Иван Солоневич. Мы это всё знаем, помним, и поэтому сознательно выбираем землю „Нашей Страны“.

Опишите пожалуйста нам условия жизни, быта, работы в Аргентине. Вообще — мы люди очень неопытные в мирских делах. Нас чуть было не обманули с какой-то „фирмой“ по эмиграции в Аргентину. Так что ваши советы нам очень помогут.

Дмитрий Лепихов (Киев)

КРЫМСКИЕ МОНАРХИСТЫ

Вам пишет председатель Таврического Общества Ревнителей Памяти Государя Императора Николая Второго. Целый год мы имели счастье получать вашу замечательную газету. К счастью, ни одного номера на почте пока не пропало, и все газеты приходят с завидной регулярностью.

Члены нашего Общества будут несказанно счастливы, если вы сможете присылать „Нашу Страну“ и дальше.

А. Васильев (Симферополь)

ПРОТИВ ОКАТОЛИЧИВАНИЯ

Пишет вам священник с Украины. Еще раз хочу поблагодарить вас за ту литературу, которую вы выслали, и в частности за „Нашу Страну“. Также хочу поделиться с вами радостной новостью. Наконец-то я смог создать Богословско-Историческое Братство, главная задача которого, возрождение

Церкви и распространение исторической правды в нашем крае. Братство должно защищать православных от окатоличивания.

Наш адрес: Украина, 281470 Хмельницкая обл., Летичевский р-н, с. Голосков, ул. Набережная 2, Свящ. Виктору Магдину.

Сейчас мы заняты созданием библиотеки Братства. Мы были бы очень рады, если бы читатели „Нашей Страны“ смогли нам помочь и прислать хоть немного церковной и патриотической литературы зарубежного русского издания.

Если возможно — помогите.

О. Виктор Магдин (с. Голосков)

ПОСЕЯВШАЯ ЗЕРНА

Генеральное представительство Российского Имперского Союза-Ордена в Москве приветствует „Нашу Страну“, старейшую российскую монархическую газету, стоящую у истоков народно-монархического движения, основанного И. Л. Солоневичем, газету несущую в рассеянии российскую монархическую идею и посеявшую зерна этой идеи на почву России.

Вся история отечества в XX веке показывает, что ни республиканский, ни тоталитарный путь России не подходят. Только православное царство, только легитимная народная монархия — вот то, что может спасти страну от гибели.

От всего сердца желаем „Нашей Стране“ и ее сотрудникам дальнейших успехов в благородном деле возрождения отечества.

Г. А. Алексеев (Москва)

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

На сегодняшний день к сожалению мы должны сказать, что имеем то, что имеем. А имеем мы разрушенное, расчлененное отечество, массовое обнищание населения, развал экономики и финансовой системы, разгул преступности и коррупции. Мы должны тоже признать отсутствие у нас единого национально-патриотического движения и общепризнанного лидера. Нет понятных и доступных для граждан бывшей страны целей и задач. Что мы хотим? Чего добиваемся? На мой взгляд нашими целями могут быть:

1. Сохранение единой и неделимой России в границах 1945 года — за все заплачено невероятной кровью и напряжением всего народа.

2. Установление национально-государственной диктатуры с опорой на здоровую часть армии и флота. Запрет на деятельность каких-либо политических партий. Антикоммунизм и чистка госаппарата. Восстановление монархии в обозримой перспективе.

3. Одномomentное и решительное прекращение большевизмского территориального беспредела. Установление губернии, волости (области) как единицы административного деления. Назначение в каждую оную землю генерал-губернатора и гражданского администратора.

4. Борьба с сепаратистами с использованием всех доступных способов. Суд над главными коммунистами и расчленителями отечества.

5. Подтверждение признания права существования всех видов собственности, будь то: государственная, частная, акционерная, кооперативная, конфессиональная, иностранная и пр. Возвращение ранее экспроприированной собственности в руки прежних владельцев или наследников.

6. Самостоятельный и независимый курс внешней политики. Ревизия антинациональных договоров и соглашений.

7. Введение цензуры направленной на предотвращение русофобии, искажения исторического прошлого, подрыва основ государственности и расшатывания его устоев, антиконфессиональной пропаганды, порнографии, сатанизма и сатанизма.

8. Установить, что русский язык является общеупотребительным во всех государственных, образовательных и прочих учреждениях. Использование местного языка не возбраняется, но только наравне и параллельно с русским языком.

9. Проведение здоровой изоляционистской политики в масштабах всего государства с целью огрничения общества и граждан от крайностей чужеродной цивилизации. Свободный въезд и выезд в страну для законопослушных подданных.

Н. Свадовский (Ашхабад)

КУЛЬТУРА ДОНА

Публикация в ряде изданий российского зарубежья обращения фонда „Возрождение культуры Дона“ и очерков под рубрикой „Казачье зарубежье“ вызвала отклики в США и Аргентине, Канаде и Франции, а также в ряде других стран и способствовала получению интересных материалов, в частности по истории и культурно-историческому наследию казачьего зарубежья.

Большое спасибо за содействие в начатой нашим „фондом“ работе!

Вместе с тем, в ряде писем соотечественники обратились с различными просьбами, часть из которых мы смогли выполнить. Наш адрес: Россия, 344101, г. Ростов на Дону, пр. Ставского, 50, кв. 7. Хохульникову Константину Николаевичу. Тел. (8632) 22-73-49 (дом.). С учетом приобретенного опыта фонд „Возрождение культуры Дона“ готов, в рамках наших ограниченных возможностей, помочь соотечественникам за рубежом:

— в розыске родных и близких на территории России, связь с которыми в разные годы была утрачена;

— в выяснении судьбы родных и близких, репрессированных в СССР в 20-50-е годы; в постановке перед соответствующими инстанциями вопроса о пересмотре уголовных дел на них и возможной их реабилитации.

К. Хохульников (Ростов на Дону)

„НАША СТРАНА“. Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактор Н. Л. Казанцев. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - 1 ам. доллар. Объявления: за 1 см. в 1 кол. - цена 4 экземпляров газеты. Чеки: переводы только на Citibank, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"-"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Interes General. Conces. N° 3980